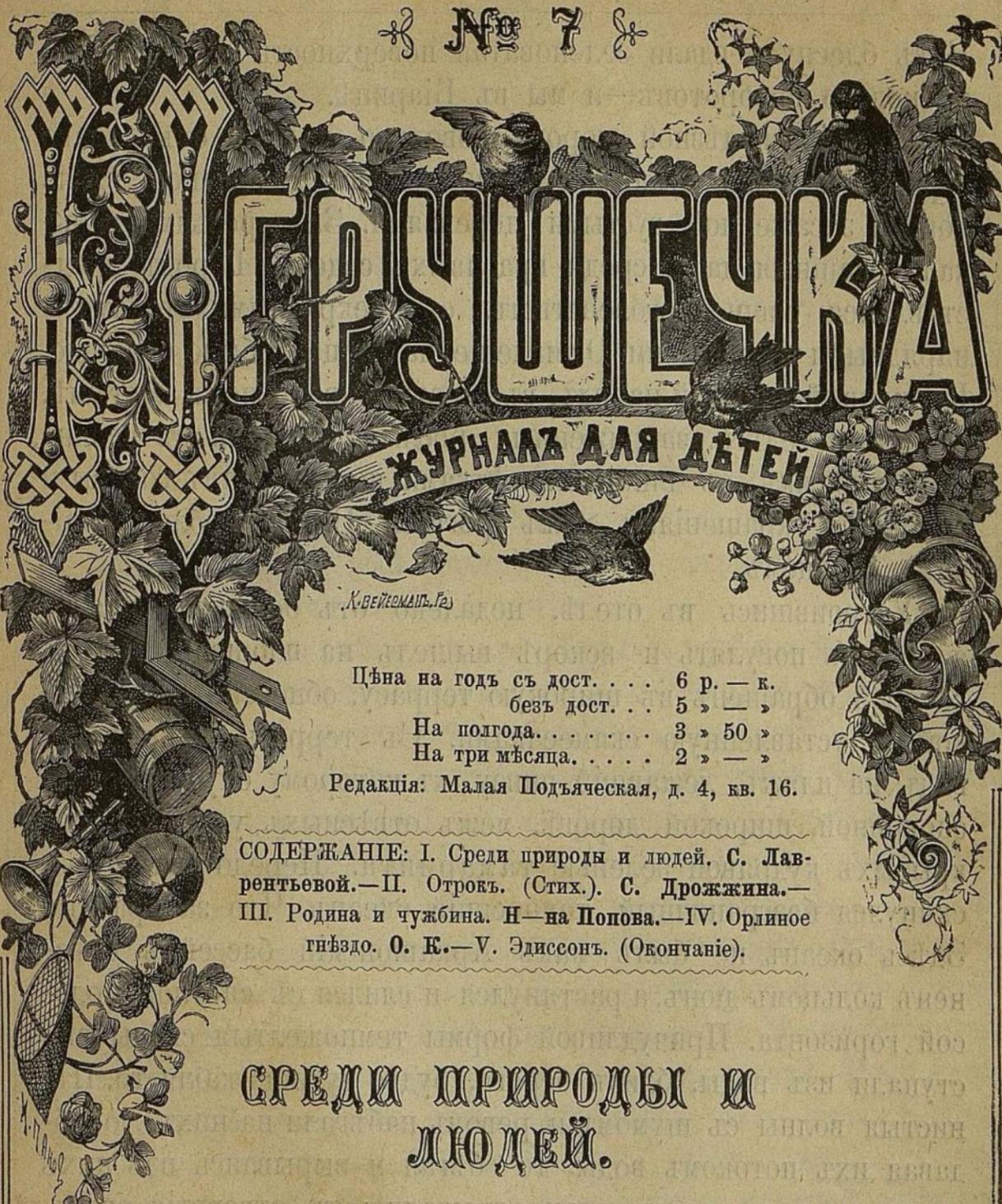

№ 7

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙСМАЙЕРЪ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Среди природы и людей. С. Лаврентьевой.—II. Отрокъ. (Стих.). С. Дрожжина.—III. Родина и чужбина. Н—на Попова.—IV. Орлиное гнѣздо. О. К.—V. Эдиссонъ. (Окончаніе).

СРЕДИ ПРИРОДЫ И ЛЮДЕЙ.

II.

БІАРИЦЪ.

ВАЗСТАВШИСЬ съ милымъ, тихимъ Аркашономъ — такъ началъ отецъ свой слѣдующій рассказъ — я выѣхалъ по дорогѣ къ Биарицу. Долго мелькали мимо оконъ вагона песчаные холмы съ сосновыми лѣсами.

Вотъ блеснула вдали зеленоватая поверхность океана. Еще нѣсколько поворотовъ—и мы въ Біарицѣ.

Станція желѣзной дороги довольно далеко отъ самаго города, надобно было ѣхать до него въ дилижансѣ, вдоль дороги засаженной густыми деревьями. За деревьями мелькали изящныя дачи, среди красивыхъ садовъ. Городъ представлялся очень щеголеватымъ, съ прекрасными отелями и нарядными магазинами. Оживленіе на улицахъ было большое. Крикливый простой народъ, въ своемъ живописномъ костюмѣ, огромныя телѣги, запряженныя рослыми быками, въ испанской упряжкѣ, съ длинными сѣтками по сторонамъ головы и высокими украшеніями межъ рогами. Все это облитое яркимъ солнцемъ.

Устроившись въ отелѣ, недалеко отъ большаго пляжа, я пошелъ погулять и вскорѣ вышелъ на площадь, конецъ которой обращенъ въ широкую террасу, обнесенную рѣшеткой и уставленную скамеечками. Съ террасы открывался видъ на пляжъ, лежавшій внизу, къ которому спускаются по спокойной, широкой дорогѣ, межъ отвѣсныхъ уступовъ, покрытыхъ кудрявой зеленью тамаринта. Передо мной разскинулся безграничный, темносиній океанъ. Что за красота! Здѣсь океанъ не былъ какъ Аркашонскій бассейнъ стѣсненъ кольцомъ дюнь, а растянулся и слился съ свѣтлой полосой горизонта. Причудливой формы темножелтыя скалы выступали изъ воды, близъ берега, будто чудища какія-то. Пѣнистыя волны съ шумомъ и ревомъ набѣгали на нихъ, то обдавая ихъ потокомъ воды, то сбѣгая и вырываясь изъ нихъ водопадами, то стремительно врывались въ отверстія скалъ, съ громомъ пушечнаго выстрѣла. Въ отдаленіи, на отвѣсной скалѣ мыса Сень-Мартень, высился громадный маякъ. Внизу виднѣлась толпа купальщиковъ.

Я сошелъ внизъ, чтобы выкупаться. На пляжѣ находилось красивое зданіе въ мавританскомъ стилѣ съ отдѣленіями для раздѣванья, съ широкой галлереей, на которой сидѣла публика, пришедшая посмотреть на купальщиковъ. Пе-

реодѣвши въ купальный костюмъ, я отправился въ воду, безъ купальщика, что было немного смѣло, такъ какъ тутъ волна бьетъ сильно. Смотришь, идетъ она бирюзовая; встанетъ гора-горой. Всего лучше прямо прыгнуть въ нее: волна мягко подхватитъ, обольетъ и помчится дальше, разсыпаясь бѣлой пѣной по гладкому песку. А если будешь стоять, съ ногъ свалитъ и не скоро на ноги подымешься.

— Морская вода безцвѣтна или нѣтъ? — спросила Наташа.

— Налитая въ чашку, она безцвѣтна, а въ большой массѣ, не далеко отъ береговъ, гдѣ съ голубоватымъ цвѣтомъ воды мѣшается отраженіе дна бѣловатаго или желтоватаго, — она принимаетъ зеленый цвѣтъ; и чѣмъ дальше, чѣмъ глубже, тѣмъ становится синѣя и синѣя.

По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, цвѣтъ морской воды много зависитъ отъ количества находящейся въ ней соли: въ морѣ, гдѣ меньше соли, она болѣе зеленаго цвѣта; тамъ же, гдѣ много соли, принимаетъ цвѣтъ синій. Отраженный свѣтъ неба усиливаетъ яркость синяго цвѣта, особенно если свѣтъ проходитъ сквозь густой слой воды. Это на опытѣ можно видѣть въ „Лазоревомъ гротѣ“ у острова Капри, — про который вы недавно читали въ первомъ номерѣ „Игрушечки“: близъ узкаго, низкаго входа вода расширяется и въ срединѣ грота становится глубока, какъ и вездѣ въ Неаполитанскомъ заливѣ, вода въ гротѣ удивительно прозрачна. Весь свѣтъ, падающій въ гротъ, проникая сквозь воду отражается и покрываетъ темные своды пещеры прелестнымъ яркоглубымъ свѣтомъ. Иногда придаютъ цвѣтъ морской воды разныя постороннія на моряхъ явленія, такъ цвѣтъ Краснаго моря или Аравійскаго залива происходитъ отъ встрѣчающейся какъ въ немъ, такъ и въ Индѣйскомъ океанѣ микроскопической водоросли, цвѣта желтаго съ краснымъ и зеленоватымъ отливомъ. Цвѣтъ Желтаго моря происходитъ отъ желтаго ила, приносимаго рѣкою Гоанъ-го (Желтая рѣка). Черное море получило свое названіе не по цвѣту воды, ко-

торая свѣтлѣе, чѣмъ въ другихъ моряхъ, а по частымъ бурямъ и опасностямъ, которымъ подвергаются плавающія въ немъ суда. Бѣлое же море названо такъ, вѣроятно, по густымъ туманамъ, часто его покрывающимъ точно бѣлой пеленой.

— А ты не боялся купаться въ океанѣ? спросилъ Юрій:—я бы тамъ утонулъ!

— Да если дѣти и купаются на большомъ пляжѣ, то на рукахъ купальщиковъ. Даже и женщины купаются или съ купальщиками, которые держатъ ихъ за руки, или по нѣскольку вмѣстѣ, взявшись за руки, прыгаютъ въ воду, удерживая другъ друга. Но и такъ часто взвизгиваютъ отъ страха. Впрочемъ, для тѣхъ, кто любитъ тихое купанье, есть другой, такъ называемый „дамскій пляжъ“ въ старой части города, называемый „Старый портъ“ (port vieux). Тутъ купальное мѣсто загорожено скалами, и только узкій проходъ соединяетъ этотъ бассейнъ съ остальной частью океана. Какъ у этого прохода, такъ и на большомъ пляжѣ, постоянно держится спасительная лодка съ гребцами, готовыми броситься на помощь нуждающемуся.

Дорога къ „Старому порту“ проходитъ межъ дивныхъ скалъ, я шель то поднимаясь, то опускаясь вившимися тропинками, миноваль оригинальный мостъ (Чортовъ мостъ), съ толстыми перилами изъ цемента, съ вставленными въ него мелкими раковинами и гальками. Съ одной стороны моста волны, выбиваясь изъ какой-то глубины, бѣшено бросались по цѣлому хаосу камней; съ другой глядитъ глубокая пещера подъ скалами и образуетъ тихій бассейнъ. Старый портъ состоитъ изъ узкихъ улицъ, съ скромными домиками и густою зеленью садовъ. Въ XI вѣкѣ эта часть была началомъ города, гдѣ стали селиться рыболовы и торговцы, заманиваемые появившимися въ океанѣ китами. Мало по малу понастроили тутъ домовъ, магазиновъ; расширяясь, воздвигся, въ XIII вѣкѣ, на скалъ, вооруженный замокъ, служившій опорой со стороны моря. Но море,—особенно сильное у этого

побережья, — разгулявшись, разрушило прибрежныя скалы и воздвигнутыя на нихъ зданія, и долгое время послѣ того Біариць былъ жалкой деревнюшкой рыбаковъ; не болѣе лѣтъ пятидесяти, городокъ сталъ снова обстраиваться, благодаря своему хорошему купанью и превратился теперь въ тотъ красивый, богатый, хотя и небольшой городъ, какимъ я его видѣлъ.

Я вернулся съ прогулки когда стемнѣло и прямо пошелъ на террасу большаго пляжа. На темномъ фонѣ вечерняго неба скоро вспыхнулъ яркій огонь маяка, мѣнявшій безпрестанно красный свѣтъ на бѣлый. Внизу тяжело дыша лежала мрачная масса океана. Вдругъ, будто молнія пробѣжала по волнистымъ изгибамъ и въ огненныхъ искрахъ раскатилась по прибрежному песку. Тутъ, тамъ — вездѣ по хребтикамъ слегка волновавшагося моря мелькали сверкавшія блѣднымъ золотомъ струйки. Вотъ, освѣтилась такимъ же свѣтомъ и живая струя сзади большой, выѣхавшей въ морѣ, лодки, вотъ цѣлый дождь огненныхъ капель посыпался съ бойко вздернутыхъ весель... Я не могъ оторвать глазъ отъ этого прелестнаго явленія свѣтящагося моря! Иллюминаторами моря были его же жители, эти крошечныя, микроскопическія животныя: аколефы, полипы, моллюски и другія, имѣющія способность издавать свѣтъ. Собранныя въ безчисленныя массы, они производили эти прелестныя эффекты фосфорности моря!

Если почерпнуть стаканъ свѣтящейся воды, то, при дневномъ свѣтѣ, вы увидите плавающихъ на поверхности маленькихъ, съ булабочную головку, животныхъ. Подъ микроскопомъ ясно видно, что это шарообразныя животныя съ углубленіемъ на одномъ мѣстѣ своего тѣльца, изъ котораго выглядываетъ довольно длинное щупальце и движется медленно туда и сюда, какъ бы отыскивая пищу. Чтобы убѣдиться, что свѣтъ производятъ именно они, стоитъ только процѣдить эту воду, и она потеряетъ свой блескъ, а оставшіяся на цѣдилкѣ животныя будутъ искриться при каждомъ

толчкѣ. Если же бутылку съ водой и этими животными трянуть въ темнотѣ, то свѣтящіяся искры такъ и задвигаются. Я не разъ производилъ эти опыты. Зачерпну бывало въ графинъ воды, вылью ее въ умывальный тазъ, отнесу въ темную комнату, взболтнешь или проведешь пальцемъ по водѣ, и забѣгають тонкія огненные струйки.

— Вотъ-то красиво! проговорилъ Володя.

— Кромѣ этихъ микроскопическихъ крошекъ, издають свѣтъ и нѣкоторыя рыбы; но онѣ не производятъ такого эффекта, какъ цѣлыя полосы свѣта изъ этихъ крошечныхъ созданий. На другое утро, меня ожидало еще болѣе поразительное явленіе, когда я спустился на большой пляжъ въ минуту полного отлива... Приливомъ и отливомъ называется попере-мѣнное повышеніе и пониженіе поверхности моря, оно повторяется два раза въ продолженіе сутокъ. Причины прилива происходятъ отъ тяготѣнія земли, а вмѣстѣ съ нею и водъ ея окружающихъ къ солнцу и особенно къ болѣе близкой намъ лунѣ. Какъ только осадилось первобытное море, какъ только луна стала вращаться около нашей планеты, а земля около солнца, приливъ и отливъ стали чередоваться съ неизмѣнною правильностью. За движущеюся по небесному своду луною, катятся и волны прилива, вѣчно покорныя этому спутнику земли. Вода поднимается въ теченіи почти шести часовъ, недолго стоитъ на высшей своей точкѣ (приливъ) и потомъ въ теченіи шести часовъ упадаетъ (отливъ), послѣ краткаго отдыха снова начинаетъ подниматься. Такимъ образомъ отъ одного прилива до другаго проходитъ среднимъ числомъ 12 часовъ 24 минуты, вполне завися отъ перемѣнъ луны. Новолуніе и полнолуніе производятъ самый высокій приливъ и самый большой отливъ. Во время первой и послѣдней четверти луны приливъ и отливъ очень малы. Во время равноденствія приливъ вездѣ возвышается. Затмѣніе луны и солнца постоянно сопровождается необыкновенно высокими приливами. Приливы и отливы имѣють огромное вліяніе на жизнь многихъ морскихъ растений и животныхъ живущихъ

именно на тѣхъ мѣстахъ, которыя то покрываются водою, то обвѣваются воздухомъ, вода моря, коснувшись земли и обвѣянная береговымъ воздухомъ, уноситъ струи этого воздуха въ глубь, для находящихся тамъ рыбъ и другихъ животныхъ. Чѣмъ сильнѣе приливы и отливы, тѣмъ богаче флора и фауна моря, поэтому Черное море, не имѣющее совсѣмъ приливовъ и отливовъ, бѣдно разнообразіемъ растительной и животной жизни.

— А отчего въ немъ нѣтъ приливовъ и отливовъ? спросила Наташа.

— Оттого, что оно принадлежитъ къ такъ называемымъ запертымъ морямъ, слишкомъ отдаленнымъ отъ водъ океана, оно лишь узкимъ проливомъ соединяется съ другими морями. Такъ какъ главнѣйшимъ двигателемъ всѣхъ водъ служитъ океанъ, то и наибольшіе приливы и отливы бывають въ водахъ близкихъ къ океану. Да и то бывають не одинаковы, въ Средиземномъ морѣ, въ той части, что называется Адриатическимъ моремъ у Венеціи, приливы и отливы довольно значительны, въ противоположной же части Средиземнаго моря, обмывающаго западную часть Италиі — ихъ почти не бываетъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ОТРОКЪ.

Легенда.

(ОКОНЧАНИЕ).

КОГДА-ЖЕ съ ними поровнялся
Спусти не много Михаилъ,
То поклонился и спросилъ
Онъ старика: „куда дѣвался
Изъ дома отрокъ молодой?
Я подъ окномъ его стучался,
И онъ не вышелъ“.

Дѣдъ сѣдой

Съ своей завалинки поднялся
И важно князю отвѣчалъ,
— „Да, какъ сказать тебѣ; пропалъ
Съ тѣхъ поръ какъ только повѣнчался
Съ его невѣстою нашъ князь,
Вишь по душѣ ему прилась
Княгиня молодая наша,^а
Бобылка прежняя Наташа,
Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ водился съ нею
Все звалъ невѣстою своею,
Привыкъ къ красавицѣ, и вотъ
Хотѣлъ вѣнчаться прошлый годъ,
Да видно не его судьба,
И Господу угодно было
Что-бъ стала прежняя раба

Женою князя Михаила.
 Ну и не могъ, такъ полагать,
 Тогда съ собою совладать
 И вмѣстѣ съ собственнымъ жилищемъ
 Раздалъ свое имѣнье нищимъ,
 А самъ изъ міра удалился
 Въ лѣсную глушь“.

Остановился

Немного дѣдъ, и перевелъ
 Свое дыханіе и снова
 Разсказъ объ отрокѣ повелъ:
 — „Да, вмѣсто тлѣннаго земнаго
 Онъ вздумалъ вѣчное найти,
 Надѣлъ тяжелыя вериги,
 Читаетъ Божескія книги,
 Къ Его же Царствію пути,—
 Въ своей убогой кельѣ ищетъ,
 Вдали отъ міра и людей,
 Гдѣ только звѣрь порою рыщетъ
 И не видать дневныхъ лучей;
 Но вѣра въ Бога горячѣй
 Его небеснаго свѣтила“.

Не узнавая Михаила,
 Такъ старецъ князю говорилъ;
 Когда-жъ съ вниманьемъ Михаилъ
 Все это выслушалъ, то снова
 Онъ кротко дѣдушку спросилъ:
 „Гдѣ-жъ келья отрока младова?
 Дѣдъ призадумался немного
 И указалъ ему дорогу
 Своею дряхлою рукой—
 На лѣсъ, гдѣ отрокъ молодой
 Отъ міра грѣшнаго спасался...
 И княжій конь впередъ помчался,
 Поднявъ слѣдъ пыли за собой...“

X.

Князь тихо лѣсомъ проѣзжаетъ,
 И лѣсъ привѣтливо киваетъ
 Ему кудрявой головой

И звуки музыки живой
 Въ зеленой чащѣ разливаетъ.
 Но вотъ и келья передъ нимъ
 Отъ взоровъ скрытая соснами
 И отрокъ съ длинными кудрями,
 Подвижникъ разума и вѣры,
 У входа тѣснаго пещеры
 Стоитъ какъ чистый серафимъ.
 Вотъ князь не ровнымъ тихимъ шагомъ,
 Коня оставивъ за оврагомъ,
 Стремится къ отроку.

Узналъ

Онъ Михаила и пропаль
 Какъ духъ въ глубокую пещеру,
 Его послѣдовать примѣру
 Хотѣлъ и князь.

Служитель Божій

Сказаль ему „иди прохожій,
 И мнѣ молиться не мѣшай“.

Князь.

— „Ахъ, отрокъ, отрокъ, не лишай
 Меня отрады два-три слова
 Сказать тебѣ.“

Что хочешь ты

За то что я разбилъ сурово
 Твои надежды и мечты?

Отрокъ.

Не надо мнѣ твоихъ даровъ,
 Не обольщай меня напрасно,
 Оставь мнѣ чистую любовь—
 Къ Тому, Кто муками прославиль
 И всепрощеньемъ грѣшный міръ,
 Царями царствами, кто правилъ
 И жилъ въ пустынѣ нагъ и сиръ
 И на крестѣ своемъ страдая
 Открылъ народу двери рая.

Князь.

Но чтобъ проступокъ грѣшный мой
 Хоть чѣмъ нибудь передъ тобой
 И передъ Господомъ исправить

Во имя вѣры и святыхъ
Здѣсь для монаховъ молодыхъ
Я монастырь велю поставить,
Ты имъ достойно бы могъ править
И въ немъ окончить свои дни,
Прости меня, и не кляни...
Промолвилъ князь и удалился
А отрокъ пламенно молился,
За Русь святую и за міръ
Въ убогой кельѣ нагъ и сирь,
Какъ тотъ, котораго завѣтъ
Онъ принялъ съ отроческихъ лѣтъ.
И князь исполнилъ обѣщанье:
На этомъ мѣстѣ монастырь
Построилъ; „Отроча“ названье
За нимъ осталось и теперь.

С. Дрожжинъ.

24 января 1882 г.

РОДИНА И ЧУЖБИНА.

(Разсказъ съ нѣмецкаго).

I. Родина.

ВЪ ВОЗДУХѢ пахло весной; снѣгъ таялъ и заливалъ поля и луга; весело улыбалось солнышко, съ нимъ радовались деревья, кусты, птицы, рыбы, все живущее оживало и возрождалось. Земля, упитанная растаявшимъ снѣгомъ, начинала покрываться молодою травкою и мягкимъ мохомъ; бѣленькіе ландыши пробивались сквозь сухіе прошлогодніе листья и бодро выглядывали на обновленный Божій міръ. Ивы украшались шелковисто-бѣлыми почками. Щуки стаями выплывали на поверхность озера. Въ саду слышалось пѣніе зяблика и синицы, а рано утромъ раздавался однообразный стукъ чернаго дрозда. Дворовая собака радостно покинула соломенное ложе въ своей конурѣ, гдѣ въ продолженіе длинныхъ зимнихъ ночей чутко оберегала

достояніе своего хозяина. Коровы пытались вырваться из засѣлки, куда ихъ загоняли на время чистки хлѣва; а лошадки чуяли, что кончился тяжелый подвозъ дровъ по снѣжнымъ сугробамъ. Теплицы перестали отапливаться; заботливый садовникъ осторожно полураскрывалъ стеклянныя рамы, чтобы солнечные лучи проникали въ нихъ и согрѣвали вновь посаженныя въ горшки растенія. Вооруженный большими ножницами, онъ подрѣзывалъ засохшіе сучья деревьевъ и кустовъ, подвязывалъ виноградныя лозы и сгребалъ сухіе листья и мягкій мохъ, которыми прикрывалъ на зиму корни альпійской розы.

Дѣти радостно выбѣжали на дворъ и весело принялись за мячикъ, сдѣланный изъ разноцвѣтныхъ лоскуточковъ. Услышавъ отъ отца, что скоро прилетятъ аисты, они часто поглядывали на синее, безоблачное небо и не могли дожидаться времени, когда эта домовитая птица снова займетъ свое гнѣздо на верхушкѣ кровли. Вдругъ маленькій Германъ, слѣдившій взорами за паденіемъ ловко подброшеннаго мячика, весело закричалъ: „Летятъ!“ Всѣ взглянули вверхъ—длинная, зубчатая вереница аистовъ сплошной массою быстро неслась по воздуху. Дѣти радостными криками приветствовали этихъ вѣстниковъ весны, летѣвшихъ изъ далекихъ странъ. Родители также вышли на крыльцо. Мать, ласково улыбаясь, спросила отца, есть-ли съ тобой деньги,—это было примѣтою благосостоянія на весь годъ. Отецъ вынулъ изъ кармана горсть монетъ и показалъ женѣ. Не по лѣтамъ благоразумный Фрицъ, въ которомъ уже сказывался будущій бережливый хозяинъ, также опустилъ руку въ карманъ и радостно вытащилъ немного деньжонокъ. Германъ же продолжалъ задумчиво смотрѣть на вереницу пролетѣвшихъ аистовъ и грустно сказалъ: „О, какъ хорошо быть птицей! какъ хорошо имѣть возможность летать по всѣмъ странамъ, по всѣмъ морямъ и останавливаться тамъ, гдѣ захочется!“

— Утѣшься, милый, отвѣтилъ отецъ, теперь и люди могутъ путешествовать почти такъ же быстро, какъ и птицы.

На то изобрѣтены желѣзныя дороги и пароходы. Когда ты выростешь и будешь имѣть средства, то въ короткое время можешь объѣздить цѣлую часть свѣта.

— Аисты бываютъ гдѣ хотятъ и безъ денегъ, возразилъ Германъ. А Богъ знаетъ, будутъ ли когда у меня средства на путешествія!

— Всегда будутъ, если будешь трудолюбивъ и бережливъ.

— Такъ—а все же аисты счастливѣе людей, стоялъ на своемъ Германъ.

— А я, заявилъ Фрицъ, не буду бросать денегъ на путешествія, я на прибрѣтенныя средства куплю себѣ большое имѣніе и займусь хозяйствомъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, пара аистовъ уже заняла свое гнѣздышко. Только что птицы устроились, какъ вмѣсто теплыхъ весеннихъ дней, наступила холодная, пасмурная погода и выпалъ снѣгъ, а по ночамъ озеро затягивалось тонкимъ слоемъ льда.

— Зачѣмъ вы такъ поторопились вернуться къ намъ, бѣдныя птицы, сказала мать, поглядывая на гнѣздо аистовъ. Вамъ надо бы подождать еще въ теплыхъ краяхъ. Лѣто у насъ коротко и не вдругъ его дождешься; а зима этимъ пользуется и не торопится уступить свое мѣсто веснѣ.

Между тѣмъ старый аистъ твердо стоялъ на своемъ даровомъ мѣстѣ жительства; хладнокровно приподнявъ ногу, онъ засунулъ свой длинный, красный клювъ подъ крыло и, казалось, хотѣлъ сказать: „Перетерпимъ, авось скоро потеплѣетъ!“

И дѣйствительно, погода потеплѣла. Бузина развернула свои раннія почки; быстро отцвѣли ароматные ландыши; ихъ замѣнили гіацинты и душистыя фіалки, и въ роцахъ послышалась трель соловья.

Старый аистъ описывалъ въ воздухѣ большіе круги, весело постукивалъ клювомъ и опускался въ гнѣздо.

Въ сумерки Германъ взбирался по приставленной къ

дому лѣстницѣ, усаживался на гребнѣ только что вновь покрытой соломой крыши, смотрѣлъ на небо, гдѣ блистали яркія звѣзды и отыскивалъ среди нихъ: серебристую Венеру, красно искрящагося Марса, яркое семизвѣздіе Большой Медвѣдицы, Утиное гнѣздо и группы Плеядъ. Германъ любилъ по долгу слѣдить за медленно погасавшей зарей и въ это время вслушивался въ рассказы стараго аиста о ихъ далекихъ странствованіяхъ. Временами ему казалось, что все слышанное имъ волшебный сонъ, и что онъ въ своей фантастической бесѣдѣ съ подружившейся съ нимъ птицею только умственно воспроизводитъ все вычитанное имъ въ книгахъ.

II. О чемъ рассказывалъ аистъ.

„Въ путь, рассказывалъ аистъ, мы пускаемся большими вереницами и покидаемъ васъ прежде, чѣмъ осень успѣетъ обнажить деревья, такъ боимся мы холода и вашихъ суровыхъ зимъ. На чужбинѣ же ждемъ недождемся возвратиться на родину. Мы прилетаемъ къ вамъ раньше ласточки и кукушки. Съ радостью покидаемъ мы цвѣтушія поля и луга, и нерѣдко застаемъ здѣсь послѣдніе морозные зимніе дни. Мы торопимся сюда; здѣсь наша родина; на этихъ ветхихъ, обросшихъ мохомъ крышахъ—мы родились; здѣсь выучились впервые летать; на вашихъ лугахъ находили себѣ первоначальную пищу; здѣсь насъ радостно привѣтствуютъ дѣти, а взрослые радушно предлагаютъ свои кровли для нашихъ гнѣздъ и гостепріимно приглашаютъ въ нихъ поселиться.

„Когда нибудь и ты, милый мальчикъ, страстно желающій побывать на чужбинѣ, испытаешь, что за притягательную силу имѣетъ родина. Въ чужихъ далекихъ странахъ ты будешь вспоминать скромный домикъ, въ которомъ родился, лѣсокъ, гдѣ ты игралъ, школу, въ которой учился. А когда состаришься и безпокойная, скитальческая жизнь утомитъ тебя, ты возвратишься на родину, умереть среди знакомыхъ деревъ и тихо журчащихъ ручьевъ.

„Обыкновенно къ нашимъ вереницамъ пристають родствен-

ныя, новыя стаи и слухъ о томъ, что будто бы мы до смерти заклевываемъ своихъ сопутниковъ, — ложенъ, а правда, то, что многіе изъ насъ погибають отъ ружья охотника. Изъ людей не мало такихъ, которые несправедливо считаютъ насъ вредными, хотя мы такъ же сочувственно относимся къ вамъ, какъ ласточка, собака и другія домашнія животныя. На южныхъ побережьяхъ наши вереницы разъединяются. Однѣ направляются на юго-востокъ, въ тѣ края Южной Азіи, гдѣ аисты, любимые людьми, находятъ вѣчно цвѣтушія нивы. Другія перелетаютъ море по прямому направленію на югъ и поселяются на плодотворныхъ берегахъ Нила и въ роскошныхъ оазисахъ Сѣверной Африки, но тамъ ихъ часто убиваетъ стрѣльба воинственныхъ туземцевъ. Я возвратился теперь именно отсюда. Наша вереница перелетѣла чрезъ темно-синія воды Средиземнаго моря, оживляемаго день и ночь бѣлыми парусами судовъ и густымъ паромъ пароходовъ. Изъ главныхъ французскихъ портовъ ежедневно отплываетъ множество кораблей въ Алжирь, въ западные порты Южной Итали и въ далекую Грецію. Мы видѣли, какъ матовый свѣтъ луны отражается въ тихихъ волнахъ моря и придаетъ всему окружающему какой-то волшебный оттѣнокъ. Видѣли, какъ стаи дельфиновъ окружали быстро мчавшіяся суда и, не угнавшись за ними, весело играли въ волнахъ, а сѣвернѣе на яркой синевѣ отчетливо выдѣлялись очертанія острововъ Корсики и Сардиніи. Къ утру слѣдующаго дня мы достигли города, вблизи котораго вѣчно дымится вулканъ, угрожая ежеминутно изверженіемъ огненной лавы. И въ то время, когда въ нѣдрахъ земли клочкоталъ огонь, на поверхности ея цвѣлъ майсъ, наливались виноградныя лозы и людямъ жилось хорошо и привольно среди этой роскошной растительности.

„Покинувъ Неаполь, наша вереница потянулась сѣвернѣе, къ городу, построенному на двѣнадцати холмахъ и увѣковѣчившему свое имя въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ — къ Риму. Мы, аисты, знаемъ его славную исторію, во время

нашихъ перелетовъ, она пересказывается нами изъ поколѣнїя въ поколѣнїе, а наша порода древнѣе этого города. Здѣсь мы порѣшили подольше остаться, такъ какъ окрестности Рима изобилуютъ болотами, полными обильною для насъ пищею. Въ южной части Рима полуразрушенныя колонны древнихъ портиковъ и уцѣлѣвшїе памятники повѣствуютъ о прежнемъ величїи и значенїи сошедшаго съ лица земли народа. Въ западной части города возвышается гигантскїй куполь, превышающїй всѣ остальные куполы и кресты храмовъ Рима, онъ можетъ поспорить даже съ обелисками и пирамидами Египта. Въ одномъ мавзолеѣ давались представленїя, на которыя стремились народы всѣхъ странъ. На испанской площади, передъ питейною лавкою, праздная толпа громко разговаривала и пѣла, а нѣкоторые плясали, какъ вдругъ появилась торжественная процессїя монаховъ, въ бѣлыхъ ризахъ, несшихъ нѣсколько открытыхъ гробовъ. На знаменитомъ, перекинутомъ чрезъ Тибръ, мосту мы видѣли шайки мелкихъ воровъ и полунагихъ нищихъ, которые безцеремонно осаждали прохожихъ. Покинувъ Римъ, мы полетѣли къ сѣверо-востоку, по направленїю къ горамъ, извѣстнымъ подъ именемъ Апеннинъ; на склонѣ ихъ росли могучїе, итальянскїе дубы, а въ продольныхъ долинахъ виднѣлись золотистыя нивы, усѣянныя маисомъ, кукурузою, окаймленныя оливковыми деревьями и виноградными лозами. Подлетая къ Чивита-Вастелано; мы встрѣчали фурмановъ, правившихъ бодрыми лошадами, запряженными въ красивыя кареты, а на гористыхъ улицахъ предмѣстья ихъ ожидала помощь поселянъ, явившихся сюда со своими подводами, запряженными крѣпкими, ширококорогими волами. Когда мы ночью пролетѣли чрезъ Фолиньо, люди сидѣли еще въ ресторанахъ, за столиками, оживленно бесѣдуя между собою, а возвращающїеся домой поселяне медленно ѣхали верхомъ на утомленныхъ мулахъ. Поспѣшно пролетѣвъ Анкону, мы очутились на Адриатическомъ морѣ, волнуемомъ вѣтрами Сирокко. Насъ охватилъ удушливо-знойный токъ воздуха, однакоже, онъ

при нашемъ приближеніи къ Венеціи разсѣялся. Мы быстро пронеслись чрезъ гавань, гдѣ множество маленькихъ гондолъ окружали только-что прибывшій пароходъ, и увидѣли мраморныхъ львовъ, ограждающихъ въѣздъ, увидали великолѣпный дворецъ дожей, высокую, заостренную, особо стоящую башню близъ церкви св. Марка и длинные каналы, которыми изрѣзанъ весь городъ. Рядомъ съ великолѣпнымъ мраморнымъ мостомъ, перекинутымъ чрезъ одинъ изъ каналовъ, пріютилось безчисленное множество маленькихъ сводовъ. Узкія улицы оживлялись роскошными магазинами и кофейнями, а посреди этой шумной уличной жизни торжественно безмолвствовала, окаймленная мраморными колоннами, площадь св. Марка. Мы потянулись далѣе къ востоку, пролетѣли Лайбахъ, Карпатскія Альпы съ бѣлоснѣжными вершинами, бурливые потоки Дуная—Драву и Саву и чистенькіе города—Марбургъ и Грецъ. Сотни поющихъ итальянцевъ и нѣмцевъ работали надъ желѣзно-дорожною линіею, которая въ будущемъ должна была соединить Венеціанскія лагуны съ столицею Австріи—Вѣною. Такъ подлетѣли мы къ столицѣ Венгріи—къ Пешту, окрестности котораго орошаются водами славнаго Дуная. Надъ всѣми высотами превышался шпигъ св. Стефана. По улицамъ Пешта весело гуляли люди. Потомъ мы пролетѣли старинную Прагу, съ ея безчисленными башнями и красивымъ, расположеннымъ на горѣ, замкомъ.

„Въ дальнѣйшемъ полетѣ мы слѣдовали теченію смѣющейся Эльбы, пронеслись мимо Богемской котловины заманчивыхъ полей Саксоніи и, наконецъ, достигли своей родной деревушки, тутъ насъ привѣтствовалъ колокольный звонъ маленькой деревянной церкви“.

Германъ съ наслаженіемъ вслушивался всякій вечеръ въ чудесныя рассказы аиста, а по ночамъ его разыгравшееся воображеніе воспроизводило новыя, волшебныя картины.

Время шло, лѣто было на исходѣ, скирды были полны зерна, весело работали мельницы, собирались фрукты и овощи, а по вечерамъ становилось холоднѣе, и въ домѣ затаплива-

лись давно не топившіяся печи. Наконецъ, къ великому огорченію Германа, насталь день отлета аистовъ, ихъ окружила семья юныхъ дѣтей, уже достаточно оперенныхъ для дальняго путешествія.

— Прощай, милый Германъ! сказалъ старый аистъ; завтра рано мы улетаемъ, желаю тебѣ всего хорошаго, Богъ дастъ снова увидимся!

Вставъ на другое утро, мальчикъ грустно посмотрѣлъ на крышу, гнѣздо аистовъ было пусто!

III. Чужбина.

Прошло много лѣтъ. Родители Германа и Фрица мирно покоились на деревенскомъ кладбищѣ. Фрицъ былъ отцомъ семейства и владѣльцемъ большаго имѣнія; онъ неумоимо трудился и счастливыми предпріятіями накопилъ себѣ огромное богатство.

Германъ былъ одинокъ и бѣденъ, тревожный нравъ гналъ его изъ края въ край. Онъ успѣлъ побывать во всѣхъ тѣхъ странахъ, про которыя ему такъ увлекательно рассказывалъ аистъ; увидѣлъ роскошь и могущество природы, жизнь разнородныхъ племень; сердце его облагородилось, умъ расширился, характеръ окрѣпъ.

Ему принадлежалъ весь міръ, но всюду онъ чувствовалъ себя чужимъ и одинокимъ! Онъ хранилъ въ душѣ воспоминанія всего видѣннаго, всего пережитаго, но ему не съ кѣмъ было подѣлиться пережитымъ. Онъ не имѣлъ даже и того, чѣмъ обладалъ аистъ—роднаго гнѣзда.

Предсказаніе аиста сбылось. Германа постоянно тянуло на родину, и нерѣдко онъ возвращался туда изъ дальнихъ странъ.

Братъ его Фрицъ владѣлъ отцовскимъ домомъ и неохотно принималъ его у себя.

Напрасно Германъ искалъ старыхъ друзей своихъ на крышѣ, роднаго дома отъ нихъ не сохранилось и слѣда, Фрицъ покрылъ крышу черепицей и не терпѣлъ на ней гнѣздъ аистовъ.

Въ Страсбургѣ Германъ рѣшилъ поступить въ ряды добровольцевъ, отправлявшихся для усмиренія туземцевъ въ Алжирь.

Смѣло бросался онъ въ битвы, отличался въ самыхъ трудныхъ порученіяхъ и во всемъ выражались его благородство, умъ, твердость и сила воли.

Онъ участвовалъ при штурмѣ Констанціи, тутъ былъ отрѣзанъ непріателемъ отъ главнаго отряда, томился съ нѣсколькими товарищами подъ лучами знойно-палящаго африканскаго солнца и дрожалъ отъ холода на вѣчно покрытыхъ снѣгомъ горныхъ вершинахъ. Наконецъ пуля бедуина, подстерегшаго Германа, смертельно ранила его и онъ, плохо перевязанный, терпѣливо ожидалъ смерти. Пятеро французовъ отбили у непріателя небольшую крѣпость и, усталые, голодные, въ порванныхъ шинеляхъ стерегли ее, проклиная часъ, въ который покинули родину.

Вдругъ аистъ низко, почти касаясь поверхности земли, пролетѣлъ надъ умиравшимъ Германомъ, одинъ изъ французовъ прицѣлился въ него изъ ружья. „Не стрѣляй, сказалъ угасающимъ голосомъ Германъ, это милая, мирная птица, она является въ сѣверныхъ краяхъ вѣстникомъ весны. Когда я былъ мальчикомъ, то цѣлыми вечерами любилъ слушать его рассказы, сидя на кровлѣ отцовскаго дома. Не бей его, оставь ему жизнь; мясо его жестко и невкусно“. Но голодный французъ не внялъ просьбѣ Германа и выстрѣлилъ въ аиста, а услышавшіе выстрѣлъ товарищи выбѣжали къ нему изъ палатки и втащили убитую птицу въ крѣпость, рассчитывая утолить ею голодь.

Герману казалось, что въ убитомъ аистѣ онъ узналъ друга своего счастливаго дѣтства и его радовала мысль, что старый другъ прилетѣлъ къ нему въ послѣднія минуты его быстро угасавшей жизни, чтобы запечатлѣть своею кровью вѣсть о вѣчной веснѣ.

Н—а Лопова.

ОРЛИНОЕ ГНѢЗДО.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

ЭТО БЫЛО въ Швейцаріи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ угрюмой мѣстности, съ высокими скалами, торчавшими со всѣхъ сторонъ! Мы присѣли отдохнуть подъ развѣсистой сосной, такъ какъ прошли уже полдороги и жара становилась черезъ-чуръ сильной.

На безоблачномъ небѣ вырѣзывалась, прямо противъ насъ, зубчатая гранитная стѣна; кое-гдѣ чернѣли въ ней расщелины, поросшія короткими травами. Дикія козы карабкались здѣсь и тамъ, упираясь въ незамѣтныя трещины и порой раздавался въ отдаленіи грохотъ камней большихъ и мелкихъ, скатывающихся внизъ подъ ихъ ногами.

Кто-то изъ насъ спросилъ проводника какъ зовутъ эту отвѣсную громаду.

— Прежде звали Черной скалой, отвѣтилъ онъ, потомъ дали ей имя Орлиной.

— Почему же? спросили мы.

— Это—цѣлая исторія, возразилъ проводникъ, сидя здѣсь, какъ разъ противъ горы, вы пожалуй и не повѣрите ей, а между тѣмъ я самъ знавалъ того мальчика, который побывалъ въ гостяхъ у орловъ, правда, онъ былъ уже старикомъ, когда я еще бѣгалъ босоногимъ мальчишкой.

Наше любопытство было задѣто за живое; всѣ мы обратились къ швейцарцу съ просьбой рассказать намъ это происшествіе, и такъ какъ времени для отдыха оставалось еще достаточно, то онъ и расположился на пнѣ подлѣ насъ и передалъ намъ слѣдующую повѣсть.

Неподалеку отъ Черной скалы построена деревушка, населенная преимущественно охотниками за дикими сернами, такъ какъ хорошихъ пастбищъ вблизи не находится и скотъ держать невозможно; однѣ только козы способны доставать себѣ пропитаніе въ этомъ мрачномъ углу, запрятанномъ между высокихъ, неприступныхъ горъ.

Въ деревушкѣ жила между прочимъ вдова съ годовымъ ребенкомъ; мужъ ея, вскорѣ послѣ рожденія сына, имѣлъ несчастье свалиться въ пропасть, во время опасной охоты за дикими сернами, и какъ ни старались разыскать его тѣло, но это оказалось невозможнымъ, до того глубока была бездна, куда онъ упалъ.

Бѣдная женщина едва не лишилась разсудка, но ее спасло присутствіе малютки, который сдѣлался ея единственнымъ утѣшеніемъ, а также и любимцемъ всей деревни.

Лизбету уважали какъ отличную работницу; никто такъ ловко, какъ она, не умѣлъ помогать въ огородѣ или на маленькихъ вспаханныхъ пространствахъ по скатамъ горъ, гдѣ швейцарцы сажаютъ виноградъ и фруктовыя деревья, и которыя до того отлоги, что приходится удивляться какъ они удерживаются на нихъ. Иной разъ, встрѣчая женщину или дѣвушку съ огромнымъ узломъ сѣна на головѣ, да полной корзиной за плечами, спросишь ее, откуда она пришла. А она вамъ въ отвѣтъ укажетъ на такую стѣну, что невольно подумаешь; какимъ образомъ она съ такой ношей могла спуститься оттуда? Вглядѣвшись же въ то мѣсто, видишь какъ копошатся тамъ и другія фигуры, подобныя ей, и не только не падаютъ, но даже не скользятъ, а работаютъ такъ быстро и усердно, какъ будто ужасная смерть не грозила имъ при каждомъ движеніи:—велика сила привычки!

Въ одинъ жаркій іюльскій день, Лизбета усѣлась съ пряжей подъ навѣсомъ своего низенькаго домика, а ребенка положила тутъ же рядомъ, на разостланномъ сѣнѣ; онъ сначала катался по немъ взадъ и впередъ, болталъ ножонками, лепеталъ неумолчно, смѣялся,—наконецъ, утихъ понемногу и заснулъ. Задремала и мать отъ жары и усталости послѣ безсонной ночи, проведенной за работой.

Вдругъ, точно вѣтеръ пахнулъ ей въ лицо,—затѣмъ какой-то шорохъ послышался надъ самымъ ея ухомъ... Вскочила она, смотреть; какая-то тѣнь виситъ надъ ней, ребенка на сѣнѣ уже нѣтъ, а въ воздухѣ, все слабѣе, раздается жалобный дѣтскій плачь... Боже! мальчикъ въ когтяхъ у громаднаго горнаго орла, который медленно и плавно поднимается съ нимъ все выше и выше, уносить его все дальше и дальше!

— Помогите, помогите! кричитъ несчастная, и на крикъ ея сбѣгаются сосѣди и сосѣдки; одинъ изъ нихъ схватилъ ружье и уже прицѣливается къ черной точкѣ уменьшающейся съ каждымъ мгновениемъ. Но тутъ схватываетъ его за руку одна изъ женщинъ, восклицая: „дитя упадетъ, убьется навѣрное!...“ и ружье опускается безъ выстрѣла.

Послѣ перваго крика отчаянья, мать какъ будто вся замерла; похожая на каменную статую, она вся, казалось, обратилась въ зрѣніе, и глаза ея, черные и пронзительные, не покидали хищника, который летѣлъ все по одному и тому же направленію. Вдругъ она вскрикнула:

— А... знаю, знаю! и я туда же? и бросилась бѣжать. За ней побѣжали и другіе.

— Куда ты? куда? что ты хочешь сдѣлать? погоди!... остановись!

Но она имъ кинула только слово:

— Къ Черной скалѣ!—и побѣжала еще скорѣе.

Толпа заколыхалась; слышались восклицанія: „бѣдняжка!“ — „она помѣшалась!“ Слыханное ли дѣло, чтобы

кто на Черную скалу лазилъ?“—„Пойдемте, друзья, авось настигнемъ ее до бѣды“!—„идемъ, идемъ“!

Нѣсколько молодцевъ бросилось въ ту сторону, куда исчезла Лизбета; они были отличные бѣгуны, но догнали ее не сразу. Наконецъ видятъ они, какъ что-то мелькаетъ между деревьями. (У подножья скалы—сосновая роща). Прибавивъ шагу, они уже почти рядомъ съ нею; еще минута, и они бы ее схватили. Но она, не оборачивая головы, вдругъ кинулась въ сторону, какъ кошка вскарабкалась на ближайшій уступъ скалы, и оттуда умоляющимъ голосомъ закричала имъ: „оставьте, оставьте меня, ради Бога, я принесу его назадъ“!

Что было имъ дѣлать? пока они переглядывались между собой, она уже исчезла изъ виду, и они только могли молча послѣдовать за ней, для того, чтобы въ случаѣ необходимости поспѣшить на первый ея призывъ.

Она же поднималась въ гору, все выше и выше; сначала дорога была сравнительно легкая, потому что козы и дикія серны проложили какой-то путь между камнями, и низкій кустарникъ останавливалъ ногу, когда ей грозило паденіе. Но вотъ кусты пропали, слѣды животныхъ тоже; направо голая скала, раскаленная лучами солнца, налѣво—пропасть, а на эту скалу она должна взобраться...

Внизу собрались всѣ жители деревни, и мужчины и женщины, и старики и дѣти; всѣ стояли у подножья скалы; кто кричалъ ей вернуться, Бога не искушать, кто вздыхалъ и качалъ головой, а маленькіе ребятишки, широко раскрывъ глазенки, спрашивали другъ у друга, куда это Лизбета лезаетъ и зачѣмъ?

Ее хорошо было видно: яркая ситцевая юбка и черный бархатный вырѣзной лифъ съ бѣлыми рукавами рельефно выступали на сѣромъ фонѣ скалы; издали казалось, что она стоитъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ, а между тѣмъ, она все подвигалась впередъ, цѣпляясь за камни, карабкаясь то прямо, то бокомъ, безъ оглядки, почти безсознательно, съ

какимъ-то неподвижнымъ выраженіемъ въ темныхъ глазахъ и въ крѣпко стиснутыхъ зубахъ. Она не шла сама, повидимому, а ее толкала, несла какая-то тайная сила; какой-то чудесный инстинктъ заставлялъ ее огибать опаснѣйшіе пункты, предохранялъ ее отъ головокруженія (неизбѣжнаго на подобной высотѣ) и, казалось, заслонялъ отъ ея взора все рѣшительно, кромѣ высшей точки Черной скалы.

Толпа слѣдила за ней глазами, притаивъ дыханье. Вдругъ, кто-то крикнулъ: „она падаетъ!“ Всѣ замерли въ ужасѣ... Она поскользнулась, скатилась внизъ на полъ-аршина, но тутъ нога уперлась на выступъ скалы, она выпрямилась и... опять пошла. Вздохъ облегченья вырвался изъ груди зрителей. Все ближе и ближе къ вершинѣ стала показываться ея фигура, наконецъ, она достигла ее!

Материнское чутье не ошиблось; на самой высокой точкѣ скалы орелъ помѣстилъ свою семью; молодые орлята выглядывали изъ-за кучи костей и остатковъ недавняго ихъ пира; они еще не дотронулись до новой добычи, лежащей неподалеку...

Лизбета бросилась къ ребенку; подъ изорванной одеждой еще билось сердце, раны никакой не виднѣлось—мальчикъ только лишился чувствъ вслѣдствіе быстроты полета своего похитителя. Схватить его, прижать къ сердцу было для матери дѣломъ секунды! Испуганные орлята, при неожиданномъ ея появленіи, попрятались, испуская дикіе крики, но къ счастью, родитель ихъ былъ далеко.

Безстрашно начала она спускаться, привязавъ пришедшаго въ себя малютку къ своей спинѣ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ тамошнія женщины, чтобы оставлять руки свободными.

Снизу видно было у нея что-то бѣлое за плечами; женщины, думая, что она отыскиала только трупъ сыночка, заплакали отъ жалости, а мужчины стали унимать ихъ. Гораздо труднѣе было сходить внизъ съ этой ужасной скалы, чѣмъ карабкаться по ней вверхъ. Сто разъ она съ ребен-

комъ была на краю гибели и сто разъ какимъ-то чудомъ удерживалась на ногахъ между небомъ и пропастью.

Толпа до того слилась въ одномъ чувствѣ съ нею, что машинально вторила каждому ея движенію; невольно протягивались къ ней руки, когда она своими руками искала опоры, какъ будто на такомъ разстояніи была возможна помощь. Поминутно слышались возгласы: „Возьми направо, тамъ лучше!“ Или же: „Вонъ, налѣво пень, за него схватись!“— но возгласы эти пропадали безслѣдно и даже не долетали до ея слуха.

И вотъ она на такой точкѣ, куда уже пробираются пастухи и охотники; тотчасъ же бросилось къ ней на встрѣчу множество помощниковъ. Когда первый изъ нихъ приблизился къ ней, то громкій, неудержимый крикъ радости пронесся по всей толпѣ и замѣнился тотчасъ же возгласомъ изумленія, когда увидѣли, что она отстранила отъ себя протянутую къ ней руку, а тотъ, заглянувъ къ ней въ лицо, отшатнулся, какъ бы въ испугѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, его испугало окаменѣлое выраженіе ея лица, словно ничего передъ собой не видящее, и движенія автоматическія, какъ у сомнамбулы, тѣмъ не менѣе, онъ сталъ слегка поддерживать ее сзади и черезъ нѣсколько минутъ она уже была снова между людьми и служила предметомъ общаго восторга. Но и тутъ эта странная окаменѣлость не покинула ее сразу; женщины столпились вокругъ нея и одна изъ нихъ захотѣла взять мальчика, все еще висѣвшаго у нея за спиной.

Лизбета очнулась, когда онъ заплакалъ; проведши рукой по лбу, она будто что-то вспомнила. Когда же, среди криковъ радости и похвалы ея безпримѣрной отваги, она обернулась и бросила взглядъ на ту вышину, которую только-что измѣрила собственными ногами, то на нее вдругъ нашель необъятный ужасъ, она вся задрожала и упала безъ чувствъ на руки сосѣдокъ.

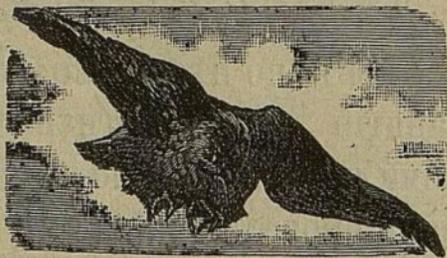
Видно реакція послѣ долгаго напряженія воли и всѣхъ

мускуловъ оказалась слишкомъ сильной; она пролежала довольно долго въ лихорадкѣ и когда встала съ постели, то не была въ состояніи болѣе лазить по горамъ какъ прежде.

Мальчикъ выросъ и получилъ прозвище „Орленка“, которое и заслужилъ вполне потомъ своей неустрашимостью. Черная скала стала называться Орлиной въ память подвига смѣлой крестьянки, а проѣзжимъ туристамъ рассказывается ея исторія.

Кто знаетъ, не сдѣлается ли она современемъ народной легендой и не украсится ли различными баснословными прибавленіями? А пока она и въ первоначальномъ своемъ видѣ доказываетъ совершенно достаточно одну великую истину:— что для смѣлой рѣшимости препятствій не существуетъ, особенно когда рѣшимость эта воплощается въ матери, спасающей своего ребенка.

Р. К.

ЭДИССОНЪ.

(ОКОНЧАНИЕ.)

БОЛЬШОИ телескопъ занимаетъ верхній балконъ зданія и способствуетъ астрономическимъ занятіямъ Эдиссона, составляющимъ одно изъ его любимыхъ развлеченій.

Эдиссонъ необыкновенно трудолюбивъ и работаетъ такъ много, какъ врядъ ли кто-либо другой. Онъ средняго роста, хорошо и крѣпко сложенъ, но нѣсколько сутуловатъ, отъ привычки во время занятій стоять нагнувшись надъ столомъ или надъ химическими печами. Онъ по-прежнему любитъ чтеніе, но предпочитаетъ прочесть двѣнадцать разъ одну хорошую книгу, нежели двѣнадцать плохихъ.

Изученію законовъ природы онъ посвятилъ всѣ силы своего ума, всю энергію своего твердаго характера, всю свою проницательность, не упустилъ ничего изъ вида и не падалъ духомъ ни передъ какими затрудненіями и препятствіями. Все его время, за исключеніемъ немногихъ минутъ посвящаемыхъ семьѣ, всѣ его умственные и физическія силы, все его состояніе принадлежатъ избранной имъ отрасли науки.

Эдиссонъ въ высшей степени привѣтливъ и гостеприименъ. Постоянно осаждаемый посѣтителями и любопытными,

онъ перенесъ свою резиденцію въ Менло-Паркъ, маленькую уединенную деревушку, удаленную отъ большихъ городовъ, надѣясь найти тамъ тишину и спокойствіе. Но скоро разочаровался въ своихъ надеждахъ. Менло-Паркъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ посѣщенія любопытныхъ и туристовъ, они толпами направляются къ гостепріимной двери геніальнаго хозяина, постоянно и для всѣхъ широко растворимой.

— Придетъ время, что я соединю молотокъ моей двери съ электрической батареей, тогда пусть попробуютъ коснуться къ нему, говоритъ смѣясь Эдиссонъ, когда наплывъ публики дѣлается невозможенъ.

А пока пенсильванская желѣзная дорога привозитъ ежедневно въ его резиденцію цѣлыя толпы, отнимающія у него много дорогаго времени.

Въ прошломъ году Эдиссонъ получилъ письмо отъ одного янки изъ Нью-Йорка, въ которомъ тотъ просилъ у него позволенія представить ему нѣсколько друзей; Эдиссонъ привѣтливо согласился. На слѣдующей недѣлѣ, воспользовавшись полученнымъ разрѣшеніемъ, янки предсталъ ему въ сопровожденіи ста-семидесяти-пяти человекъ!

Тѣмъ не менѣе Эдиссонъ принимаетъ всѣхъ одинаково радушно и привѣтливо предлагаетъ себя и всѣ свои изобрѣтенія въ распоряженіе посѣтителей. Сначала оторванный отъ поглощавшей его работы, онъ походитъ нѣсколько на человека удивленнаго, разсѣяннаго и какъ бы не вполне очнувшася отъ сновидѣнія, но вскорѣ лицо его проясняется, молодѣетъ, и онъ сильно напоминаетъ тогда вырвавшася на свободу школьника. Весело бесѣдуя съ незванными гостями, онъ знакомитъ ихъ съ своими главными открытіями и излагаетъ будущіе планы и предположенія. Онъ говоритъ горячо, увлекательно, изящно и производитъ глубокое впечатлѣніе на жадно слушающую публику; если среди нея встрѣтится ученый, Эдиссонъ доволенъ и счастливъ, что можетъ услужить ему своими свѣдѣніями, ознакомитъ со своими изобрѣтеніями; люди науки и серьезнаго умственнаго труда поль-

зуются его искреннимъ уваженіемъ и исключительнымъ предпочтеніемъ.

Болѣе всего Эдиссонъ любитъ знакомить публику съ фонографомъ. Онъ разговариваетъ съ нимъ, называя его своимъ старымъ фонографомъ и весело говоря: „Now are you, old phonograph?“ Ручка поворачивается и инструментъ отвѣчаетъ ему металлическимъ, нѣсколько носовымъ, ворчливымъ голоскомъ по-англійски, по-нѣмецки, по-латыни и по-испански, т. е. на тѣхъ языкахъ, которые извѣстны его изобрѣтателю. Впечатлѣніе, производимое инструментомъ на публику, всегда такъ сильно, что многіе готовы смотрѣть на Эдиссона какъ на чародѣя, а на фонографъ, какъ на подчиненнаго его власти шаловливаго духа, насильственнымъ образомъ заключеннаго въ этотъ странный снарядъ.

Понятно, еслибы Эдиссонъ пожелалъ ознакомить публику со всѣми своими изобрѣтеніями и открытіями, то посѣщенія ея не прекращались бы ни днемъ, ни ночью и лишили бы его возможности пользоваться временемъ лично для себя. Но несмотря на посѣтителей, Эдиссонъ находитъ возможнымъ работать болѣе нежели кто нибудь изъ его многочисленныхъ сотрудниковъ. Онъ встаетъ не рано, съѣдаетъ по американскому обычаю холодный завтракъ и отправляется въ лабораторію, гдѣ прочитываетъ полученную почту, выслушиваетъ доклады помощниковъ о работахъ предъидущаго дня и распредѣляетъ заранѣе намѣченныя имъ занятія и изслѣдованія. Но какъ только Эдиссонъ, освободившись отъ всего, сберется приняться за дѣло, начинается нескончаемая процессія любопытныхъ, и длится до вечера, когда желѣзнодорожный поѣздъ отвозитъ обратно многочисленную публику.

Съ наступленіемъ ночи, все погружается въ безмятежный сонъ и спокойствіе. Не спитъ одинъ Эдиссонъ, для него только теперь наступаетъ настоящее время труда и работы. Прежде всего, онъ ужинаетъ, а затѣмъ, среди полной тишины мирно дремлющей, уединенной деревушки, размышляетъ, соображаетъ, пробуетъ, изобрѣтаетъ. Всѣ его сотруд-

ники удалились давно, паровая машина прекратила свое дѣйствіе, химическія печи давно потушены, одинъ изобрѣтатель не покидаетъ своей обширной лабораторіи, гдѣ часто первый проблескъ свѣта застаеъ его еще надъ рѣшеніемъ какой нибудь многотрудной задачи. Возвращаясь въ свое жилище, онъ идетъ устремляя взоры на небесный сводъ и слѣдитъ за теченіемъ свѣтилъ, непрерывно спотыкаясь о голыши и кочки, покрывающіе землю.

Такъ проходитъ жизнь этого замѣчательнаго, геніальнаго человѣка, посвятившаго себя наукѣ и труду. Немногіе часы отдыха среди своей небольшой семьи, игры съ нѣжно любимыми дѣтьми составляютъ его единственное развлеченіе. Иногда онъ предпринимаетъ недалекія поѣздки, почти всегда съ научной цѣлью.

Безъ сомнѣнія Эдиссону предстоитъ впереди сдѣлать еще много такихъ важныхъ открытій, которыя ознакомятъ міръ съ чудесами науки, какими онъ уже обогатилъ человечество въ теченіи своей непродолжительной научной дѣятельности, доставившей ему вполне заслуженную міровую извѣстность.

Е. Григорова.

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

„РЕБУСЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЗАГАДОЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

(50 №№ ВЪ ГОДЪ).

„РЕБУСЪ“, придерживаясь прежней программы, каждое **ВОСКРЕСНОЕ** утро, въ видѣ загадки, шарады, стихотворенія, сценки, повѣсти, романа и проч. и проч., отзовется на всѣ вопросы, интересующіе читателя. При этомъ онъ будетъ вполне объективенъ. Отрывая свои страницы для самыхъ противоположныхъ мнѣній, „РЕБУСЪ“ не обходитъ при этомъ и такого загадочнаго и многими игнорируемаго вопроса, какъ вопросъ о **медіумизмѣ** (спиритизмѣ).

Въ каждомъ номерѣ журнала помѣщается ребусъ, за вѣрную загадку котораго выдается бесплатная премія, въ видѣ книгъ, картинъ, портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей, дѣтскихъ игръ и другихъ предм.

Предполагается къ выдачѣ въ премію, между прочимъ, полное собраніе сочиненій **А. С. Пушкина** и олеографическая картина барона Клодта „**Березовая роща при солнечномъ освѣщеніи**“.

„РЕБУСЪ“ издается съ **благотворительною цѣлью**: весь приходъ за вычетомъ расходовъ по изданію назначается на устройство и содержаніе столовой для бѣдныхъ.

Цѣна „РЕБУСА“ самая умѣренная: всего **2 рубля** въ годъ безъ доставки и **3 руб.** съ доставкой и пересылкой. На полгода **1 руб. 50 коп.** безъ доставки и **2 руб.** съ доставкой.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ **10 коп.**

Для подписавшихся чрезъ гг. казначеевъ допускается разсрочка по третямъ.

Подписка съ октября 1881 года по октябрь 1882 г. продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ номера, начиная съ перваго. Подписавшіеся на 1882 годъ также могутъ получить всѣ номера нынѣшняго года (12), приплативъ къ подписной цѣнѣ **50 коп.** (почтовыми марками).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ книжныхъ магазинахъ: Гартъе (Невскій, 27), Вольфа (Гостинный дворъ), „Новаго Времени“ (Невскій, 58) и другихъ. Въ библиотекѣ Черкесова (Невскій, противъ Публичной библиотеки) и въ **конторѣ редакціи**—книжный магазинъ **М. Г. Мартынова** (Невскій, № 46, противъ Гостиного двора). Для иногородныхъ — черезъ почту, въ редакціи (Англійскій просп., д. № 29, кв. № 25). Въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи книжн. магаз. **И. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова).

Редакторъ-издатель **В. Прибытковъ.**

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 февраля 1882 г.

Типографія **А. С. Суворина**. Эртелевъ пер., д. № 11—2.